

Алиса Артемова

Говорящий с мертвыми

Алиса Артемова

Говорящий с мертвыми

<https://litres.ru/74445722>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ко мне идут за «господином Верейном», когда нужны деньги, и за «некромантом», когда нужно напугать соседей. Предпочитаю первое – платят обычно за второе.

Работа простая: спрашиваю мертвых, они отвечают, насколько хватает памяти покойника. В Ривенгарде это ремесло особенно в цене: купцы умирают с пугающей регулярностью и подозрительной вежливостью, «естественные причины», в которые не верит даже следовательница стражи.

Госпожа Хартиг смотрит на говорящего мертвеца спокойнее, чем на неверный протокол. Идеальный клиент – если бы не привычка втягивать меня в дела, за которые обычно жгут на площади.

Дальше – завещания, переписанные слишком часто для мертвых, внезапные наследники, бывшая невеста с новым мужем и старой виной, и толпа у двери, уверенная, что некромант – самый удобный ответ на все вопросы.

Если предпочитаете, чтобы тайну раскрывало внимание к деталям, а не провидение – идемте. К развязке я узнаю о себе больше, чем рассчитывал.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Алиса Артемова

Говорящий с мертвыми

Пролог

Дождь в Ривенгарде не признает полумер. В других городах он словно извиняется – стучит по крышам, деликатно намекает, что пора бы взять зонт. Здешний дождь ничего не предлагает и ничего не обещает: он идет так, будто городу выписали персональный приговор – за грехи гильдий, за портовое пьянство, и, полагаю, за меня отдельной строкой, из соображений экономии бумаги.

Я сидел у окна конторы и сводил месячные счета при свете лампы, которая с каждым часом все увереннее превращалась в философскую категорию, а не в источник освещения. Занятие, надо признать, интереснее некромантии: там хотя бы иногда получаешь внятный ответ, а не бьешься над тем, как получить положительный баланс из одних отрицательных чисел. На подоконнике лежало письмо матери – начатое три недели назад и брошенное сразу после второй строчки, потому что вторая строчка неизменно требует либо соврать, что все хорошо, либо признаться, что нет, и оба варианта одинаково унижительны. Я давно вывел простую формулу: письма проще писать, чем заканчивать. Закончить письмо –

это уже почти отправить его. А отправить – значит выпустить кого-то из дома Верейн обратно в свою жизнь, а с этим я, знаете, не тороплюсь.

Стук в дверь раздался ровно в тот момент, когда я решил, что дождь и одиночество вполне приличная компания на вечер. Как это мило со стороны мира – вечно торопится меня разубедить.

Открыл. На пороге стоял мальчишка-посыльный из городской стражи, мокрый настолько, будто его окунули в канал специально, для верности, перед тем как отправить ко мне. И с тем самым выражением лица, которое я всегда узнаю раньше, чем он успевает открыть рот: лицом человека, которому велели явиться именно сюда, а не в какое-нибудь более уютное место.

Он покосился на перстень у меня на руке – невелика роскошь, я его не прячу, – и сделал ровно тот же полшага назад, что и все остальные. Не от страха в чистом виде. От вежливого, тщательно воспитанного отвращения, которое в этом королевстве передается по наследству надежнее цвета глаз. Спасибо мор-войне и не в меру предприимчивым предкам моей профессии: несколько поколений назад какие-то одаренные решили, что мертвые рабочие руки дешевле живых, а платить за использованный материал – дурной тон. В итоге у нас клеймо-перстень, реестр в одном ряду с наемниками и ядоделами, и вот этот полшаг, которым меня одаряет каждый второй житель королевства, едва разглядев металл

на пальце.

– Господин Верейн... то есть... Ваша Милость, – выдал мальчишка, глядя куда-то в область моего левого плеча, лишь бы не в лицо. – Городская стража просит. Срочно.

– Просят всегда срочно, – сказал я, снимая плащ с крючка. – Мертвые никогда никуда не торопятся, а вот живые почему-то вечно опаздывают именно тогда, когда я пытаюсь свести баланс.

Шутку он не понял. Мои шутки никто не понимает своевременно – либо слишком напуганы, либо слишком заняты тем, чтобы не осенить себя защитным знаком за моей спиной.

Я убрал письмо матери в ящик стола – пусть проживет там еще один вечер, – запер контору и вышел под дождь, который, кажется, был единственным существом в этом городе, которому было совершенно все равно, кто я такой.

Глава 1

Участок стражи Ривенгарда встретил меня запахом чернил, сырой шерсти и той особой смесью нервного пота и деланного равнодушия, которая скапливается там, где людям приходится доверять друг другу на слово чаще, чем им хотелось бы – и куда реже, чем им следовало бы. Я не появлялся здесь два месяца. Не потому, что заказов не было – смерть в портовом городе поразительно демократична и никогда не берет выходных, а потому что прежний следователь, некий Дреббс, предпочитал общаться со мной через посредника, будто прямой зрительный контакт со мной был чем-то вроде редкой и заразной формы дурного тона. Человечество, воспитанное на страхе, порой удивительно изобретательно в способах его демонстрации. Я всегда находил это скорее занимательным, чем обидным, примерно, как наблюдать, как ребенок обходит лужу по широкой дуге, хотя мог бы просто перешагнуть.

На этот раз за столом Дреббса сидела не он.

Женщина в потертой кожаной куртке городской стражи, с косой, стянутой так туго, что казалось – это часть черепа, а не прическа, держала перед собой папку не как щит, а как инструмент. Разница между этими двумя способами держать бумаги не бросается в глаза сразу, но я коллекционирую такие детали, как некоторые люди коллекционируют бабочек

– с той же смесью восхищения и легкой печали по поводу того, сколько усилий ушло на то, чтобы что-то было красиво умерщвлено.

Она подняла глаза, когда я вошел. И не сделала того самого полшага назад – ни вслух, ни, что удивительнее, мысленно, насколько я мог судить по ее лицу, а лица я читаю профессионально, за отдельную плату. Просто посмотрела на меня, как на человека, который зачем-то пришел по делу. Признаться откровенно, невероятная, редчайшая наглость с ее стороны.

– Некромант Верейн, – сказала она вместо приветствия, не вставая.

– Лорд Верейн, – поправил я, усаживаясь без приглашения, поскольку приглашения явно не планировалось. – Или можно просто «Ваша милость». Мне будет приятно, а Вам полезно для дисциплины.

– Некромант Верейн, – повторила она, не поддавшись ни на йоту. – Мне сказали, Вы берете заказы без нравоучений о том, что мертвых лучше не трогать.

– Обычно да, – согласился я. – Иногда добавляю нравоучение о цене, но это за отдельную плату. Считайте это подарком для лояльных клиентов, следовательно. Я знаю, как редко Вашему департаменту дарят что-то, кроме головной боли.

– Про цену расскажете в отчете, а не мне, – она не улыбнулась, но что-то в уголках ее рта дало понять: шутку она

услышала и просто сочла ниже своего достоинства признаться в этом вслух. Это, признаюсь, стало для меня маленьким откровением. Обычно шутки в мой адрес встречают либо испуганным молчанием, либо нервным смехом человека, который на самом деле уже отступает к двери.

Я, каюсь, на секунду забыл, что должен продолжать выступление. Меня застали врасплох не оскорблением и не испугом – этим меня не удивишь, я в некотором роде эксперт по обоим, а тем, что меня сразу, без предисловий, восприняли как человека, явившегося делать работу, а не давать представление. Вы не представляете, как редко это случается с человеком в моем положении. Обычный разговор со мной начинается с того, что собеседник решает быть либо демонстративно храбрым, либо демонстративно набожным – и оба варианта одинаково утомительны уже к третьей минуте, буд-то слушаешь одну и ту же плохую пьесу в разных театрах.

– На днях скончался уважаемый купец Хендрик Осс, – продолжила она, подтолкнув ко мне папку через стол так, словно это была не улика, а меню в трактире, и не самое изысканное меню. – Экспертиза установила сердечный приступ. Что-то мне подсказывает, Вы здесь не для того, чтобы подтвердить очевидное.

– Если бы все было очевидно, следовательница, Вам бы не понадобился некромант. Вы бы просто похоронили его и пошли пить эль за счет городского бюджета – что, полагаю, было бы куда более разумным использованием Вашего рабо-

чего дня.

– Следователь Хартиг, – представилась она наконец, с видом человека, который считает представление формальностью, но исполняет ее из вежливости – примерно с той же серьезностью, с какой чистят зубы: не потому, что верят в магию гигиены, а потому что иначе будет неприятно. – И да, эль я предпочла бы. Но кроме Осса у меня есть еще один мертвый. Купец. Упал с лестницы несколько недель назад – по свидетельствам, ему стало плохо на верхней ступени, и вниз он ехал уже не по своей воле. Лекарь записал «внезапную слабость сердца», лестница записала все остальное. Две смерти, обе – по причинам настолько естественным, что хоть в учебник вноси. И две вдовы, каждая из которых клянется, что муж был здоровее быка. Мне это не нравится настолько, что я готова терпеть в участке человека с перстнем на пальце, от одного вида которого весь мой отдел мысленно начинает молиться, пока Вы тут сидите.

Я мысленно отметил это «пока Вы тут сидите» – прекрасная формулировка, превращающая мое присутствие в стихийное бедствие с почасовой оплатой. Наводнение, пожар, некромант в приемной. Молитесь, господа, авось пронесет.

– Сочувствую Вашему отделу, – сказал я. – Вера, обретенная от страха, самая крепкая. Жрецы годами не могут добиться того, чего я достигаю, просто сняв перчатку.

– Не льстите себе, Верейн. Половина из них молится о том, чтобы Вы взялись за дело. Вторая половина – о том,

чтобы взяли и поскорее ушли.

– А Вы?

– А я не молюсь. Я читаю отчеты. – Она подвинула ко мне другую папку; бумага была казенная, серая, с тем особым запахом сырости, который в Ривенгарде приобретает все, включая, подозреваю, самих следователей. – Хендрик Осс, торговец солью и паями Северного тракта. Сердце. И Маттиас Гревен, торговец шерстью. Лестница. Между ними – три недели. Общего, на первый взгляд, ничего, кроме гильдии, возраста и того, что Гревен перед смертью переписывал бумаги.

– Переписывал бумаги, – повторил я. – В этом городе это почти обряд. Здесь умирают, как живут: с нотариусом у изголовья.

– Вот именно это мне и не нравится, – ровно сказала она, и я впервые за пять лет поймал себя на том, что разговор в участке стражи меня не утомляет. Дурной знак. Профессиональный циник обязан скучать в присутствии честных людей, иначе какой из него циник.

– Приятно узнать, что моя репутация до Вас все же добралась в целости, – усмехнулся я.

– Ваша репутация добралась быстрее Вас самого, Верейн. Так что за работу, или Вы предпочитаете сперва обсудить погоду? Говорят, в Ривенгарде она отвратительна круглый год, тема беспроегрышная.

– Тогда за работу, – сказал я, вставая и уже понимая, что

этот разговор запомнится мне надолго, и вовсе не из-за двух мертвых купцов. Два мертвых купца, при всем уважении к покойным, – материал скорее для отчета, чем для памяти. – И, следовательно Хартиг, – я взял папку, – раз уж Вы не намерены осенять себя защитным знаком при виде моего перстня, может, хоть напоите чаем? У некромантов, знаете, сухо-вато в горле от разговоров с теми, кто давно разучился глотать.

Она впервые посмотрела на меня прямо – без той секундной доли промедления, к которой я привык абсолютно у всех, включая, к слову, собственную семью, которая умудряется мысленно отшатываться от меня даже в письмах.

– Не ждите, что я брошу все и стану молиться, когда Вы откроете рот у покойника, Верейн. Мне за это не платят. А чай не прописан в Вашем контракте, но я готова Вас им угостить, если позволите посмотреть, как Вы работаете.

– Зачем Вам это? – спросил я, искренне заинтригованный. Обычно живые предпочитают держаться от моей работы на расстоянии, достаточном, чтобы в случае чего успеть перекреститься и убежать одновременно.

– Интересно, – пожала она плечами, будто это все объясняло. И, надо признать, для человека ее профессии это действительно все объясняло.

Что ж. Первая назначенная мне в этом городе следовательница, которая не собиралась делать вид, что боится меня из вежливости, и не собиралась делать вид, что мной восхи-

щается. Учитывая мой послужной список отношений с живыми людьми – список, прямо скажем, немногословный и не украшающий никого из его участников – это можно было бы назвать началом дружбы. Я предпочел называть это началом контракта. Для собственного душевного спокойствия. Контракты, в отличие от прочего, хотя бы не разбивают сердце, когда заканчиваются. Они просто заканчиваются – вежливо, по пунктам, и без сцен.

Глава 2

Морг при страже пахнет так, как пахнет любое место, где государство пытается сэкономить на вентиляции и хлорной извести одновременно: неубедительно и оптимистично. Я прихожу сюда достаточно часто, чтобы у меня появилось твердое мнение по этому вопросу, и мнение это заключается в следующем: мертвые пахнут честнее живых, во всяком случае, они не пытаются тебе понравиться.

Хендрик Осс лежал на каменном столе с выражением лица человека, которого прервали в самый неподходящий момент – в данном случае момент назывался «жизнь», и прервали его на редкость грубо. Три дня как покойник, по нашим меркам почти свежий хлеб: еще можно откусить кусок правды, если не бояться крошек.

– Хендрик Осс, – сказал стражник у двери с тем специфическим выражением лица, какое появляется у людей, впервые видящих мою работу и решивших делать вид, что видели такое сто раз. – Умер от сердца. Так написано в бумагах.

– На бумаге может быть написано что угодно, – заметил я. – Особенно на тех бумагах, которые составляют люди, заинтересованные в определенном ответе.

Стражник икнул и отступил еще на полшага, хотя дальше отступать было уже некуда – разве что в коридор, а туда ему, по должностной инструкции, все-таки нельзя.

Я не виню его. Я привык, что для большинства людей я – нечто среднее между палачом и фокусником, только без обаяния первого и без зарплаты второго. Перстень-клеймо на пальце многое объясняет с первого взгляда, и объясняет неправильно: люди видят в нем печать проклятия, а на деле это просто лицензия, как у оружейника или ядовара, только с гораздо худшей рекламной кампанией.

Хартиг вошла без стука, потому что стук предполагает, что кто-то может сказать «нет», а она не из тех следователей, кто оставляет за собеседником такую роскошь. Прошла вдоль стены и остановилась в дальнем углу – достаточно далеко, чтобы формально не мешать, достаточно близко, чтобы формально наблюдать. Идеальный компромисс человека, который никому не доверяет, включая меня.

– Я слышала, во время ритуала лучше не разговаривать, – сказала она, доставая блокнот с таким видом, будто это она делает мне одолжение своим присутствием, а не наоборот.

– Верно. Но раз Вы уже здесь нарушаете первое правило приличия – являться в морг без приглашения, – можете нарушить и второе.

– Это входит в контракт стражи.

– Это входит в Ваше упорство, следовательно, да. Контракт молчит на этот счет.

Она не улыбнулась, но что-то в уголке ее рта дернулось – вежливый предвестник улыбки, которую она сочла нецелесообразной при исполнении. Мне это понравилось больше,

чем я готов был признать.

Ритуал разговора с мертвыми – это не то величественное зрелище, которое воображают себе авторы дешевых баллад. Никаких вспышек, никаких голосов из бездны, никакого зловещего ветра, будто нарочно созданного для драматической паузы. Есть только я, покойник и очень специфическое ощущение, будто из тебя вытягивают что-то через нос – в буквальном смысле, потому что кровотечение началось у меня уже на середине формулы, как оно и всегда начинается, если день выдался особенно жадным до моих ресурсов.

Хартиг не дернулась, не охнула, не потянулась за платком, чтобы предложить его с фальшивым сочувствием, как делают многие в первый раз. Она просто смотрела, с тем же выражением, с каким смотрела бы на протекающую крышу: неприятно, но не повод для паники, потому что паника ничего не починит.

– Хендрик Осс, – сказал я, наклонившись к его уху, потому что вежливость к мертвым – единственная вежливость, которая мне ничего не стоит и никогда не будет отвергнута. – Прошу простить за беспокойство. У меня к Вам несколько вопросов, и, к сожалению, Ваше право отказаться сильно ограничено текущими обстоятельствами.

Юмор на трупах вещь спорная. Но если не пошутить первым, шутить придется реальности, а у нее чувство юмора куда хуже моего.

Формула сделала свое дело. Веки Хендрика Осса не от-

крылись – этого не бывает никогда, что бы там ни рассказывали в кабаках, но горло дрогнуло, и оттуда вышел звук, который живому человеку не приснится и в самом дурном сне: не голос, а его эхо, будто доносящееся откуда-то из-за спины у самого говорящего.

– Больно, – сказал он. Первое слово всегда самое честное и всегда самое бесполезное. Мертвые, как оказалось, тоже начинают с жалобы, в этом смысле они не так уж отличаются от живых.

– Понимаю, – ответил я, хотя не понимал и не собирался врать себе, что понимаю. – Господин Осс, Вы помните последний день?

Ответ пришел не сразу. Мертвые редко торопятся – у них, в отличие от нас, действительно есть все время мира.

– Бумаги, – сказал он наконец. – Много бумаг. Человек... вежливый человек.

– Какой человек?

– Не помню лица. Помню голос. Мягкий. Как масло.

Я записывал каждое слово с той дотошностью, с которой хороший бухгалтер считает чужие деньги – не потому, что не доверяю памяти, а потому что мертвые умеют говорить загадками не из вредности, а потому что сами толком не понимают, что произошло. Это самая неприятная особенность моей работы: свидетель у меня есть, но свидетель этот все время как будто разговаривает во сне, причем во сне чужом.

– Что с бумагами, господин Осс?

И тогда он произнес фразу, которая должна была прозвучать для меня фанфарами, но на деле оказалась настолько будничной, что я чуть не пропустил ее мимо ушей, как пропускаешь мимо ушей нудную жалобу знакомого на погоду.

– Подписал. А стоило ли торопиться?

– Поясните, – попросил я, хотя уже знал, что нарвусь на классический для мертвых ответ вроде «не знаю больше», потому что покойники отвратительные рассказчики: щедры на настроение, скупы на детали.

– Он торопил. Голос был мягкий.

– Кто торопил?

– Не помню лица, – повторил Осс, и в этих словах было столько искренней, тупой обиды на собственную смерть, что мне на секунду стало жаль его сильнее, чем позволяет профессиональная дистанция. Хартиг за моей спиной чуть переступила с ноги на ногу – единственный звук, который она позволила себе за весь ритуал, и я мысленно поставил ей высшую оценку по шкале профессиональной сдержанности.

– Хендрик Осс, – произнес я, и голос вышел не совсем моим – тем безразличным, ровным тоном, каким говорят люди, у которых больше нет причин торопиться. – Что Вы можете сказать о Вашей смерти?

– Вино, – сказал труп ртом, который три дня не дышал. – Вино было горьким. Я сказал ему об этом. Он сказал, что урожай в этом году такой.

Стражник у двери издал звук, который я бы описал как

«попытка не издать звук», и с треском провалил задачу. Хартиг даже не обернулась в его сторону – очевидно, дисциплина в ривенгардской страже держится не на страхе перед начальством, а на страхе перед ее взглядом.

– Кто «он»? – спросил я, чувствуя, как из носа уже не капает, а течет, и мысленно делая заметку заказать у аптекаря больше платков в следующий раз, когда буду в состоянии помнить о таких мелочах.

– Я дурак, – ответил Осс с той медлительной обреченностью, с которой мертвые признают собственные ошибки, – стоило дочитать.

– Дочитать что, господин Осс? Договор? Письмо? Состав того самого вина?

Молчание. Долгое, вязкое, из тех, что у живых называют неловкой паузой, а у мертвых – просто способом существования.

– Бумагу, – сказал он наконец, и в этом единственном слове было столько же смысла, сколько в надписи на разбитой вывеске: понятно, что что-то важное, но какая именно буква стерлась – уже не разобрать.

Кровь из носа полилась гуще, что означало: пора закрывать лавку, пока лавка не закрылась вместе со мной. У некромантии есть занятная особенность – она не спрашивает разрешения, когда решает, что с тебя хватит, и разница между «хватит» и «слишком поздно» иногда составляет буквально один заданный вопрос. Я успел задать этот вопрос, и мир

не дал мне ответа, только новую загадку взамен старой, что, если вдуматься, весьма в духе Ривенгарда: город никогда не отдает долг сразу, только меняет один на другой, побольше.

– Благодарю за сотрудничество, господин Осс, – сказал я, завершая формулу. – Ривенгард ценит Вашу посмертную любезность значительно выше, чем Вашу прижизненную осторожность с документами.

Горло дрогнуло последний раз – не словами, просто движением, будто тело хотело сказать что-то еще и не успело, – и затихло уже окончательно, теперь по-настоящему, без права на апелляцию.

Я вытер нос платком, который еще утром был белым, и обернулся к Хартиг, всем видом изображая человека, у которого только что не выкачали половину крови ради двух с половиной подсказок и одного огрызка совести покойного купца.

– Не помню лица, помню голос, – повторила Хартиг, не двигаясь с места. – Очень содержательно, Верейн. Прямо так и напишем в отчете: «у убийцы мягкий голос, приметы уточняются».

Стражник у двери выглядел так, будто пожалел, что не остался снаружи, охранять коридор от гипотетических грабителей, вместо того чтобы стоять здесь и слушать, как покойник жалуется на канцелярскую невнимательность.

– Это все? – спросил он с надеждой, которая была понятна и по-своему трогательна.

– Это начало, – ответил я, зажимая нос платком и садясь на единственный в комнате стул, потому что ноги внезапно вспомнили, что у них есть право голоса. – Купец подписал документ, не читая, потому что кто-то очень вежливо его поторопил. Что-то подписал, как и Гревен, а после скончался. Если это совпадение, то у совпадений в этом городе слишком хороший вкус в выборе жертв.

– И что теперь? Гревена уже похоронили. Вы сможете его допросить?

Следователь Хартиг задала этот вопрос тем деловым тоном, каким обычно спрашивают, работает ли поставщик по выходным. Я в этот момент как раз вытирал с пальцев свою кровь – занятие, которое, поверьте, сильно способствует философскому взгляду на жизнь.

– Теперь, – сказал я, – я не откажусь от предложенного чая. А расследование – это Ваша вотчина, и я не имею ни малейшего желания на нее посягать. Что до купца – нет, допросить не смогу. Слишком много времени прошло. Максимум неделя после смерти, госпожа Хартиг. Дальше от собеседника остается примерно столько же содержательности, сколько в отчете городского казначейства.

– Неделя, – повторила она так, словно записывала это в невидимый протокол. Скорее всего, действительно записывала. У этой женщины протокол, подозреваю, ведется даже во сне.

– Неделя, – подтвердил я. – Смерть, знаете ли, един-

ственный процесс в Ривенгарде, который не удастся ускорить взяткой и не удастся замедлить прошением. За это я ее, пожалуй, даже уважаю.

Она посмотрела на меня взглядом, в котором читалось привычное: «некроманты – рабочий инструмент, инструменту положено резать, а не остричь». Потом кивнула и вышла – с той поспешностью, с которой люди обычно покидают комнату, где недавно разговаривали трупы. То есть быстрее, чем позволяет достоинство, но медленнее, чем требует паника. Годы наблюдений позволяют мне утверждать: это лучший комплимент моей выдержке. От дилетантов бегут.

Я остался один. Вытер оставшуюся кровь – аккуратно, палец за пальцем, потому что, если уж моя работа отвратительна по сути, пусть хотя бы будет безупречна по форме. Кольцо на безымянном пальце правой руки пришлось протирать отдельно. Клеймо, выданное Коллегией, имеет неприятное свойство притягивать кровь, как честный человек – неприятности. Символизм настолько прямолинейный, что я бы уволил того, кто его придумал.

И я думал о фразе «подписал».

Покойный господин Осс, единственный, кто умер достаточно свежо, чтобы удостоить меня беседой, – произнес: «подписал». Фраза настолько скромная и будничная, что ей самое место в жалобе на нерадивого писца, а не в основании чьей-то смерти. Люди, умирающие от яда, обычно называют имена, лица, хотя бы цвет плаща. Этот назвал канцелярскую

процедуру.

Голос без лица – это не улика, это издевка. Город предлагал мне решить задачу, заботливо спрятав половину условий, и, зная Ривенгард, вторую половину он спрятал тоже – просто в другом месте и за отдельную плату.

Но у меня давно сложилось профессиональное правило, выведенное эмпирически, на материале, который я предпочел бы не уточнять: самые страшные вещи в этом мире редко объявляют о себе громко. Они не ломают дверей и не воют под окнами. Они входят вежливо, с мягким голосом, просят подписать вот здесь, вот здесь и еще внизу, благодарят за сотрудничество – и уходят, пока чернила еще не высохли. А потом ты умираешь, искренне недоумевая, в какой момент сделка стала окончательной.

Два купца. Две подписи, надо полагать. И некто, кому хватило вкуса убивать ядом – самым медленным и самым надежным оружием из всех, изобретенных цивилизацией.

Я поймал свое отражение в потемневшем зеркале прозекторской. Высокий худой человек с лицом, которое моя матушка когда-то называла «породистым», а прочие называют иначе и тише. Темные волосы, у висков – проседь. Мне показалось, что седых волос стало на один больше. Что ж, привычная плата за привычную работу; каждый разговор с мертвым обходится в год жизни, в клочок седины или в кусочек чего-то, чему я до сих п

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.